

Из тени в свет перелетая

Прелесть гастролей Мариинки заключалась и в неповторимой возможности разобраться, кого же все-таки из первых балерин прославленного театра следует любить и за что. Ответ на этот вопрос не так очевиден, как ожидалось.

Москва продолжает сходить с ума, ломать копыя и перья по поводу изумительной Ульяны Лопаткиной. Нам, привыкшим к победительному размаху московской балетной школы, предъявили элегантный, изысканнейший петербургский стиль, рожденный из классических линий архитектуры, отраженных в зеркалах каналов. Мы никогда не видели такой женственной. Одетты, плывущей по волнам и ряби музыкальных фраз, рисующей движение одной-единственной, непрерывной и пленительной линией. Зрители готовы идти за ней на край света, отравленные навсегда этой магией, лишь бы увидеть ее вновь. Она уже не может разочаровать их — сдержанностью, холодностью, отстраненностью, — потому что в каждом жесте и требовательном взгляде им видятся посвященность в тайну и нежелание пускать посторонних за ее завесу. Иногда, правда, Лопаткина-актриса теряет контроль. И тогда из-под царственной рубиновой короны Черного лебедя вырывается торжествующий, ликующий взгляд женщины-завоевательницы.

Нам повезло видеть Ульяну Лопаткину и другой — самым врубелевским «Умирающим лебедем» с болью вывернутых рук, с плавностью перетекающего от плеча к кисти движения, с агонией протеста и бесконечной скорбью. Она предстала перед жадным до ощущений зрительным залом Большого виртуозной эстеткой в «Пахите», демонстрируя все достоинства корифейки — талант, апломб, блеск — и старательно маскируя сексуальность.

А между тем непобедимая женственность и жертвенность ее Никии в «Баядерке» — одно из самых сильных потрясений. Удивляют глубина и драматизм, которым наполняет эта двадцатичетырехлетняя балерина каждый акцент, придавая неординарность выражения любому повороту головы. Когда она по-женски горестно закрывает лицо руками, отказываясь принять противоядие, Ульяна Лопаткина, сама того не ведая, кординально изменяет систему координат классического танца. Блистательно справляясь с его техническими трудностями, она приносит в ветхий, музейный рисунок живую страсть и неповторимость современной жизни.

Ее странные физические пропорции — бесконечно длинные линии тела, бесплотная худоба, длинные кисти рук — придают баланчинскому «Адажио» из «Симфонии до мажор» авангардный вызов и хрустальную грациозность. Сомнамбулический ритм музыки Бизе отзывается в почти медитативной пластике. Прощальный выход Ульяны Лопаткиной на московскую сцену уже не был загадочен и интригующ, поскольку эта высокомерная и откровенная небожительница околдовала столичных ценителей талантом и непредсказуемостью. И пусть так будет всегда.

Art. Москва - 1997. - 13 февр. - с. 6.